

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ. —

12 СЕНТЯБРЯ.

№ 37

1910 ГОДА.

С Л О В О

въ день Успѣновенія главы Св. Пророка и Предтечи Іоанна ¹⁾).

Вся ми, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, мѣтъ суть, но не вся на пользу: вся ми мѣтъ суть, но не азъ обладаю буду отъ чего (1 Корин. VI, 12).

Св. Евангелистъ Маркъ [о воспоминаемомъ нынѣ церковью успѣновеніи главы Св. Предтечи повѣствуетъ такъ: царь Иродъ по случаю дня своего рожденія устроилъ вечерю княземъ своимъ и тысячникомъ и старѣйшинамъ галилейскимъ. Дочь Иродіады—жены Филиппа, брата Иродова, на которой незаконно женился Иродъ, плясала на этомъ шествіи и такъ угодила Ироду и возлежащимъ съ нимъ, что онъ съ клятвою обѣщаль ей дать даже до половины

¹⁾ Прочтено въ Благовѣщенскомъ Соборѣ Митрофанова монастыря, при Архіерейскомъ богослуженіи.

своего царства, но она, подученная матерью, потребовала главы Иоанна Крестителя. Царь опечалился, но ради клятвы и возлежавшихъ съ нимъ не захотѣлъ отказать ей, и тотчасъ, пославъ оруженосца, повелѣлъ принести главу Крестителя Спаса. Онъ пошелъ, отсѣкъ Ему голову въ темницѣ, принесъ ее на блюдѣ и отдалъ дѣвицѣ, а дѣвица отдала ее своей матери. Какую мрачную картину представляетъ событіе настоящаго дня! Среди пира усѣченная глава послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ, удостоившагося быть Крестителемъ Богочеловѣка! За что же подвергся такой насильственной смерти мужъ, котораго не было выше между рожденными отъ женъ? За то, что обличалъ неправду и нечестіе въ царѣ и обличеніемъ хотѣлъ спасти достоинство и честь царя. Кто его убійцы? Убійцы его много: это во-первыхъ незаконная жена царя Иродіада, дочь ея безстыдная плясавица Соломія, по приказанію матери потребовавшая голову Иоанна, это далѣе самъ царь, давшій повелѣніе убить Иоанна; это, наконецъ, весь дворъ царя, всѣ его сановники, изъ которыхъ ни одинъ не возвысилъ голосъ противъ беззаконнаго убійства. Что же довело царя до такого низкаго, позорнаго злодѣйства? Что сковало языкъ всѣхъ этихъ вельможъ при видѣ этого злодѣйства? Страсти: страсть властолюбія заставила Иродіаду, бросивъ законнаго мужа, стать незаконною женою девера и искать смерти мѣшавшаго ей Иоанна. Страсть сластолюбія заставила царя вступить въ преступную связь съ невѣсткою, заключить обличителя въ темницу, и, наконецъ, отдать его въ жертву Иродіады. Страсть мелкаго честолюбія сдѣлала изъ царскаго синклита низкую челядь, молча выслушавшую незаконный приговоръ. Слѣпымъ орудіемъ этихъ пророкоубійственныхъ страстей сдѣлалась дѣвица, въ которой страсть блистать и прельщать убила всѣ благородныя чувства. А страсть къ наслажденіямъ разожгла всѣ эти страсти и произвела

взрывъ, жертвой котораго сдѣлался Іоаннъ. Такъ вотъ до чего доводятъ страсти: изъ человѣка, созданнаго по образу Божію, дѣлають чудовище, исчадіе ада. А мы такъ легко смотримъ на развитіе страстей и такъ безопасно отдаемся имъ. Онѣ вначалѣ кажутся намъ извинительными, но бойтесь дать имъ вырости. Слстолюбецъ начинается съ такъ называемыхъ невинныхъ удовольствій, но мало—по—малу втягиваясь въ слстолюбивую жизнь, онъ преступаетъ мѣру: начинаетъ бѣгать труда, самое легкое дѣло уже утомляетъ его; онъ пренебрегаетъ своими обязанностями; наслажденіе становится единственною цѣлью его жизни; одна у него забота—придать какъ можно больше разнообразія своимъ наслажденіямъ; онъ съ ненасытностью пьетъ изъ чаши удовольствій и въ какихъ—нибудь 30 лѣтъ теряетъ свое здоровье и силы душевныя. Такъ и всякая другая страсть пагубна для насъ, если дать ей волю: она убиваетъ въ человѣкѣ все доброе и превращаетъ его въ чудовище, подобное тѣмъ, какихъ представляетъ намъ евангельская исторія въ лицѣ убійцъ Іоанновыхъ.

Внимательные наблюдатели нашей общественной современной жизни указываютъ намъ въ ней одно замѣчаемое ими весьма печальное явленіе; именно они указываютъ на все болѣе и болѣе усиливающуюся въ насъ обществѣ, все шире и шире охватывающую всѣ слои нашего народа страсть къ всевозможнымъ и разнообразнымъ удовольствіямъ. Старааясь удовлетворить общественной страсти къ удовольствіямъ—этому страшному современному недугу, тысячи людей заняты изобрѣтеніемъ новыхъ и новыхъ удовольствій и усовершенствованіемъ прежнихъ. Удовольствіямъ отдають себя въ услугу разныя отрасли науки и искусства, имъ посвящаютъ себя люди иногда весьма талантливыя, и на нихъ, служителей удовольствій, сыплется богатства и почести... Какъ должно намъ, братіе, смотрѣть на этотъ чадъ страстнаго

увлеченія людей нашего времени удовольствіями и наслажденіями всякаго рода? Что говорятъ о наслажденіяхъ и удовольствіяхъ исповѣдуемая нами христіанская вѣра?

Исповѣдуемая нами христіанская вѣра учитъ, что наслажденія и удовольствія сами по себѣ не составляютъ преступленія противъ Закона Божія и позволительны, но только при извѣстныхъ условіяхъ или ограниченіяхъ, съ нарушеніемъ которыхъ они становятся уже грѣховными, противными волѣ Божіей и потому подвергающими человѣка строгой отвѣтственности предъ судомъ Божиимъ.

Удольствія позволительны, когда ими пользуется человѣкъ не въ ущербъ другимъ болѣе высокимъ требованіямъ своего духа,—потребностямъ умственного и нравственного самоусовершенствованія и обязанностямъ серьезной и трудовой дѣятельности, когда, далѣе, они не вредятъ чистотѣ нашихъ нравовъ, и наконецъ, когда они допускаются для насъ въ мѣру, не переходятъ въ непреодолимую жажду къ нимъ. Отсюда мы, братіе, уже легко можемъ видѣть и понять, когда наши удовольствія противорѣчатъ духу нашей вѣры, когда они носятъ на себѣ печать грѣховности или преступности.

Удольствія недозволительны для насъ, если мы начинаемъ пользоваться ими въ своей жизни преждевременно. Для правильнаго развитія человѣка требуется главнѣе всего образованіе въ немъ высшихъ силъ души-ума, воли и самосознанія. Удольствія, если начинаются для человѣка слишкомъ рано и повторяются часто, дѣйствуя на его чувство и воображеніе, развиваютъ эти силы до чрезмѣрности, но за то вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляютъ дѣятельность высшихъ силъ—ума и воли, болѣе и болѣе усыпляютъ ихъ и наконецъ, приводятъ ихъ въ безжизненное состояніе, въ такія именно неблагоприятныя для душевнаго развитія условія ставятъ нынѣ

многіе родители своихъ дѣтей и вообще молодыхъ людей, открывая настежь предъ ними всѣ двери, ведущія къ удовольствіямъ. Прежде чѣмъ развивать въ нихъ навыкъ къ труду, прежде чѣмъ созрѣлъ ихъ умъ и окрѣпла воля въ правилахъ доброй нравственности, мы соблазняемъ ихъ предложеніемъ всякихъ удовольствій, видя иногда въ этомъ средство къ ихъ просвѣщенію, и мы дѣйствительно достигаемъ успѣха въ этомъ случаѣ, но успѣха плачевнаго. По мѣрѣ того, какъ учащаются для нихъ удовольствія, высшія силы духа ихъ все болѣе и болѣе, оставаясь въ праздности и бездѣйствіи, тупѣютъ отъ того, теряютъ живость и легкую воспримчивость къ серьезнымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ подрываеся въ молодыхъ людяхъ всякая охота къ занятіямъ; вотъ откуда и являются лѣность къ труду, наклонность къ праздному препровожденію времени, страсть къ пустымъ разговорамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зависть къ людямъ богатымъ, имѣющимъ возможность пользоваться во всякое время разнообразными наслажденіями и удовольствіями.

Удовольствія преступны, если они несогласны съ требованіями чистоты нравственности. Охрану нравственной чистоты и сердечной непорочности составляютъ чуткость совѣсти, стыдливость, сообщаемая нашему сердцу самой природой. Но что должны производить въ сердцахъ юношей и дѣвицъ эти картины чувственной красоты, эти неприкрытыя проявленія порока, эти неприличныя иногда рѣчи и дѣйствія, которыя допускаются на современныхъ общественныхъ зрѣлищахъ? Житейскія безобразія, являясь предметомъ общественныхъ зрѣлищъ, въ юныхъ зрителяхъ сперва колеблютъ, потомъ совершенно разрываютъ тѣ завѣты, которыми стыдливость, это благороднѣйшее прирожденное свойство нашей души, ограждаетъ нашу душу отъ вторженія въ воображеніе нечистыхъ представленій и отъ возбужденія въ сердцѣ грѣховныхъ пожеланій. Здѣсь, на такихъ зрѣлищахъ растлѣва-

ющая порча входитъ во всѣ окна нашей души, ниспровергаетъ въ ней всѣ преграды противъ вторженія въ нее зла и цѣлымъ потокомъ вливаетъ въ нее тлетворный, нравственно-пагубный ядъ. Удивительно ли, что послѣдствіемъ такихъ зрѣлищъ бываетъ нерѣдко, что дѣти бѣгутъ изъ подъ родного крова невѣдомо куда и зачѣмъ, молодые мужья и жены безжалостно бросаютъ другъ друга, попирая святость супружескаго союза: „не только во время зрѣлища, говоритъ св. І. Златоустъ, но и тогда, когда оно окончено, въ твоей душѣ остаются образъ, слова, одежда, взглядъ, походка, стройность, ловкость той, которая услаждала твои глаза; и ты, занятый и плѣненный ею, приходишь домой, и жена уже кажется тебѣ непріятною, дѣти—несносными, домъ отвратительнымъ, обыкновенныя заботы—безпокойными. Не отсюда ли безпорядки въ домѣ? Не отсюда ли расторженія браковъ? Не отсюда ли брань и ссоры?“

Удовольствія и опасны для насъ и противны ученію св. нашей вѣры, когда они переходятъ въ неудержимую склонность, въ неутолимую жажду къ нимъ. Наша чувствительность жаждетъ удовольствій, склонна къ ихъ повторенію и усиленію полученныхъ отъ нихъ впечатлѣній: привыкните къ употребленію лакомой пищи, и вамъ уже трудно будетъ довольствоваться пищею простой, хотя здоровой и питательной. Чѣмъ чаще наслажденія раздражаютъ наши нервы, тѣмъ сильнѣе и страшнѣе къ нимъ навькъ. Въ этомъ лежитъ причина всѣхъ страстей, отъ которыхъ гибнутъ люди: страсти къ азартнымъ играмъ, пьянству, распутству и т. под. Такими именно путемъ добрые христіане становятся разорителями состояній и бичами своихъ семействъ, для которыхъ не тяжелы слезы и страданія женъ, нищета и невоспитанность дѣтей, для которыхъ не страшною становится потеря честнаго имени, не унизительны позоръ и преступленія.

Таковыми въ высшей степени пагубными послѣдствіями со-

провождается подчинение и служение страстям: оно убиваетъ въ человѣкѣ все доброе и превращаетъ его въ чудовище, подобное тѣмъ, какихъ представляетъ намъ евангельская исторія въ лицѣ убійцы Иоанновыхъ. Вотъ почему Слово Божіе повелѣваетъ „распнать плоть со страстями и похотями“. Не себялюбіе, источникъ страстей и похотей, а любовь къ Богу и ближнимъ должна быть пружиною нашей дѣятельности. Будемъ же, братія, развивать въ себѣ эту святую, чистую любовь и въ ней воспитывать себя и своихъ дѣтей; главной задачей жизни поставимъ служение Богу и ближнимъ!

Будемъ и сами помнить и внушать дѣтямъ, что жизнь есть подвигъ, поэтому трудъ на пользу общества да будетъ подвигомъ жизни нашей, а удовольствія только говременнымъ отдыхомъ и уѣшеніемъ! Аминь.

Протоіерей *Іоаннъ Путилинъ*.

О новомъ ревизорѣ.

Какъ бы подаваясь существующему настроенію (вездѣ ревизіи и ревизіи), мы тоже постарались не отстать отъ свѣта и установили у себя институтъ ревизоровъ для повѣрки правильной продажи свѣчей въ приходскихъ храмахъ.

Когда было благочинническое собраніе и проводился вопросъ о выборѣ и задачахъ ревизора, то были самыя разнорѣчивыя толки и за, и противъ, а отъ нѣкоторыхъ слышалась даже радость по поводу этого избранія и высказывались большія надежды. Но признаться, я, по наивности своей, не понималъ, зачѣмъ еще ревизоръ и кого ревизовать. Если священника, то у насъ есть Благочинные, если ктитора—они-же, да, наконецъ, и каждый священникъ тотъ-же ревизоръ въ своей церкви. Черезъ этого ревизора какъ-то сра-